

РУТ КАУТС
ХРИСТИАНСТВО
В ТВОРЧЕСТВЕ БАХТИНА¹

Перевод с английского
священника Дмитрия Барицкого

кандидат богословия
доцент кафедры филологии Московской духовной академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия

Предисловие переводчика

Личность и творчество выдающегося русского мыслителя М. М. Бахтина (1895–1975) в последнее время всё больше и больше становится предметом пристального внимания учёных. Несмотря на существование множества работ, которые посвящены философской, культурологической, эстетической проблематике его произведений, практически совершенно игнорируется вопрос о религиозной составляющей наследия М. М. Бахтина. Английская исследовательница Рут Коутс (Ruth Coates) ставит перед собой задачу восполнить эту лакуну. В своей монографии «Christianity in Bakhtin» («Христианство в творчестве Бахтина») она предлагает нашему вниманию результаты своего анализа как религиозных взглядов самого М. М. Бахтина, так и религиозных мотивов его творчества. Монография была издана в издательстве «Cambridge University Press» в 1998 году. Настоящая публикация открывает серию статей, цель которых — познакомить русскоязычного читателя с содержанием наиболее важных разделов данного исследования.

1 *Coates Ruth. Christianity in Bakhtin. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. (Cambridge studies in Russian Literature).*

Введение

Это книга о христианских мотивах в творчестве философа Михаила Михайловича Бахтина (1895–1975). Как таковая, она уже вызвала дискуссию (если судить по тому, как её приняли, особенно на Западе). Причина в том, что, хотя взгляды Бахтина и были усвоены широким кругом учёных, которые принадлежали к различным литературно-теоретическим направлениям (начиная с марксизма, заканчивая постструктурализмом), даже в тех случаях, когда всё говорило о его религиозности, обычно считалось, что он светский мыслитель. Я уверена, что это утверждение должно быть скорректировано. Если поначалу пренебрежение анализом христианских мотивов у Бахтина можно было ещё оправдать отсутствием информации (некоторые принципиально важные, как ранние, так и поздние, тексты стали доступны лишь к середине 1980-х в России, к началу 1990-х — на Западе), то сейчас приходится говорить о странной «слепоте», по крайней мере среди славистов, которые имеют достаточно времени для того, чтобы из множества голосов, взывающих к нам со страниц произведений Бахтина, откликнуться именно на этот. Делая акцент на христианском аспекте творчества Бахтина, не обращая внимания на другие голоса, я надеюсь предложить то, что, как мне хочется верить, создаст необходимый противовес всем предыдущим прочтениям, а также сможет открыть глаза тем, кто отвергает идею присутствия религиозного измерения в работах философа как необоснованную, неважную или же наивную. Однако на страницах этой книги я не вступаю в дискуссию с противоположными точками зрения. Моя задача — продемонстрировать присутствие и развитие христианских влияний в творчестве Бахтина. Несмотря на существование биографических свидетельств, подтверждающих, что Бахтин был знаком с христианством и сочувствовал ему, в основной части исследования я не буду апеллировать к ним, т. к. надеюсь, что моё прочтение будет оправдано самим текстовым материалом. Тем не менее, для того чтобы воссоздать исторический фон и дать справочную информацию, имеющую определённое значение для моей темы, первую главу Введения я посвятила обзору «религиозной биографии» Бахтина. Вторая часть определяет место этой книги в контексте критической литературы, посвящённой Бахтину. Поскольку полный обзор сделать невозможно, я ограничилась разбором монографий, а также статей на английском и русском языках, которые имеют отношение к моей теме. Наконец, я уделяю некоторое внимание названию, содержанию и структуре самой этой книги.

Религиозная биография Бахтина

В докладе на конференции в честь Бахтина, состоявшейся вскоре после его смерти, Л. Е. Пинский сказал, что Бахтин был «философ-молчун»². С тем, что он говорил о себе редко и с большой неохотой, соглашаются, в частности, его друзья и помощники 60-х и 70-х годов³. Если учесть тот факт, что он был одним из последних выживших из числа интеллигенции первых десятилетий двадцатого века (свою роль сыграли здесь и время, и сталинские репрессии), то окажется, что мы почти ничего не знаем о его жизни, и в особенности о той, которая скрыта от посторонних глаз. Даже записанное на плёнку интервью с В. Д. Дувакиным, которое он [Бахтин] дал в последний год своей жизни и расшифровка которого постепенно публиковалось в журнале «Человек»⁴, практически ничего не говорит нам о личных убеждениях Бахтина. И всё же все те, кто его знал, единодушны в том, что Бахтин был верующим человеком. И действительно, представляется возможным собрать вместе небольшое количество доступных нам достоверных данных и создать из них условную реконструкцию, которую можно было бы назвать «религиозной биографией» Бахтина.

Приступая к решению этой задачи, прежде всего необходимо сказать о том, что единственная полноценная биография Бахтина, которая была написана к настоящему моменту, — работа Кларка и Холквиста «Михаил Бахтин»⁵. Кларк и Холквист также предложили свою условную реконструкцию на основе документальных свидетельств и, главным образом, на основе воспоминаний (интервью с молодыми и старыми знакомыми Бахтина). При этом они восполнили свою реконструкцию информацией о социальных, интеллектуальных и политических условиях эпохи, которую почерпнули из широкого круга источников, не связанных напрямую с Бахтиным. В результате мы имеем довольно непротиворечивое в себе самое повествование, которое создаёт цельный образ личности Бахтина, чья судьба хорошо отображена в документальных источниках. Тем не менее этот образ обманчив. Несмотря

2 Коган Ю. Люди не нашего времени // Бахтинский сборник. М., 1991. № 2. С. 87.

3 Кожин В. В. Как пишут труды, или происхождение несозданного авантюрного романа (интервью с Н. Паньковым) // Диалог, карнавал, хронотоп. М., 1992. № 1. С. 109 – 122; Гачев Г. «Так, собственно, завязалась уже целая история» // Диалог, карнавал, хронотоп. М., 1993. № 1(2). С. 105 – 108.

4 Дувакин В. Д. Разговоры с Бахтиным // Человек. М., 1993. № 4. С. 141–154; № 5. С. 131–143; № 6. С. 145–159; 1994. № 1. С. 158–173; № 2. С. 154–169; № 3. С. 169–182; № 4. С. 179–189.

5 Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. Cambridge, 1984.

на то, что обе методологии сами по себе эффективны, их комбинация в работе Кларка и Холквиста создаёт ложное впечатление об обоснованности выводов. Бахтин помещается в исторический контекст таким образом, что ничего не остаётся, как только предположить, что у него были неоспоримые связи с определёнными направлениями мысли и даже с конкретными организациями, хотя на самом деле веских доказательств этому не существует. Или же напротив, если существуют явные свидетельства, Кларк и Холквист не уделяют им достаточного внимания: в тех разделах повествования, где действительно исторический Бахтин может быть легко вписан в действительно исторические Вильнюс, Одессу, Витебск или Петроград, комментарий или очень скудный, или же его нет вообще. Тот, кто знаком с основными данными биографии Бахтина, порой может определить источники, которые используют Кларк и Холквист. В свою очередь, это может привести его к предположению, что отсутствие свидетельств является исключительно результатом небрежности. Однако эта осведомлённость также может стать и причиной недоумения: как именно они пришли к определённым выводам. Если говорить в целом, для того чтобы сообщить правдоподобие повествованию, которое местами походит на художественное произведение, к биографии Бахтина необходим более научный подход.

В этом отношении одна из наиболее слабых глав биографии, к сожалению, глава 5 «Религиозная деятельность и арест»⁶. Это глава, посвящённая религиозным воззрениям Бахтина. Начинается она так:

«Бахтин был верующим человеком. Он был воспитан в Русском Православии. К 1920-м годам религиозная мысль стала одним из главных интересов Бахтина. В интеллектуальных кругах тех дней он был известен как “церковник” или “сторонник Церкви”. Это не означает, что он был прихожанином, но подразумевает, что он был предан Церкви идеологически. И хотя позже он и стал менее религиозен, сторонником Православной традиции оставался всю свою жизнь».

Единственное положение в этом параграфе, которое имеет фактическое подтверждение, — то, что у Бахтина была репутация «церковника». Оно заимствовано из интервью с В. Шкловским в 1978 г. Однако даже относительно его Кларк и Холквист признают, что «Шкловский мог преувеличить причастность Бахтина к Церкви, т. к. сам был далёк от этих кругов»⁷. Глава 5 продолжается описанием того, какова была природа религиозных воззрений Бахтина:

6 Ibid. P. 120–145.

7 Ibid. P. 370.

«Бахтин никогда не был участником Русской Православной Церкви в смысле принадлежности к определённой религиозной организации. Скорее он был религиозным мыслителем, который основывается на Православной традиции. Его религиозные взгляды — это производная не столько традиционного православного богословия, живущего в лоне самой Церкви, сколько результат религиозного возрождения начала двадцатого века, которое имело место среди русской интеллигенции, стремившейся создать новые основания для богословской мысли. Православное богословие Бахтина было не по-семинарски казённым, но высокоинтеллектуальным, как это могло быть только в среде интеллигенции. Более того, в большей степени он был заинтересован в философии религии, нежели в самой религии»⁸.

Как бы правдоподобно это ни звучало и как бы привлекательно ни выглядело для читательской аудитории конца 20-го века, это чистой воды спекуляция, основанная на риске (ведь читатель не осведомлён во всех исторических фактах) и учитывающая исключительно содержание творческого наследия Бахтина.

Далее Кларк и Холквист предлагают содержательный и яркий обзор религиозно-интеллектуальной жизни Ленинграда 1920-х: как она протекала в различных сообществах. При этом они периодически дают читателю понять, что Бахтин принимал в них активное участие. Однако при ближайшем рассмотрении становится очевидным, что практически никаких доказательств подобной связи нет и многие утверждения Кларка и Холквиста, которые пытаются эту связь установить, уточняются при помощи «возможно», «вероятно» и «почти наверняка». Можно привести несколько примеров. Так, в отношении «Свободного философского общества»⁹ сказано: «возможно, что Бахтин посещал некоторые собрания общества во время своих визитов в Петроград»¹⁰; о кружке «Воскресение» они пишут: «Бахтин не обязательно являлся членом “Воскресения”, хотя Юдина и Пумпянский посещали его собрания с осени 1920 г.»¹¹. (Юдина и Пумпянский входили в так называемый «Бахтинский круг».) Нередко религиозную активность друзей Бахтина склонны приписывать ему самому, что является совершенно неприемлемым. (Кроме того, зачастую даже сами эти «факты» о религиозной жизни его друзей не имеют подтверждения.) В отношении «Братства

8 Ibid. P. 120.

9 Санкт-Петербургское религиозно-философское общество основано в 1907 г. и существовало до 1917; 1921–1923.

10 Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. P. 125.

11 Ibid. P. 126.

святого Серафима» «нет убедительных доказательств, что Бахтин был его членом»¹², кроме того, «Бахтин не был известен и как член “Истинно православной катакомбной церкви”»¹³. Бахтина связывают с некоторыми из этих организаций благодаря его возможной дружбе с их лидерами. В частности, говорится о том, что он знал А. А. Мейера из «Воскресения», А. В. Карташова из «Братства святого Серафима» и протоирея Ф. К. Андреева из Иосифлянского раскола, хотя никаких доказательств этому не приводится. Ещё один способ связать его с религиозной интеллигенцией — это указать на его интеллектуальные связи. Для этого Кларк и Холквист пишут краткие очерки о его предполагаемом идейном сходстве, например, с о. П. А. Флоренским, С. А. Аскольдовым и Г. П. Федотовым. Но я полагаю, что эти подходы, в конечном счёте, не говорят нам ничего существенного о том, во что Бахтин реально верил в 1920-е, тем более о том, во что он верил в конце своей жизни.

Итак, что мы можем сказать о религиозности Бахтина, исходя из доступных нам фактов его биографии? Бочаров свидетельствует, что в 1916 г., во время своей учёбы в Петроградском университете, Бахтин был участником религиозно-философского кружка Карташова, где познакомился с Д. С. Мережковским¹⁴. В интервью с Дувакиным Бахтин утверждает, что он посещал собрания этого кружка¹⁵. Известно, что 27 ноября 1918 г. Бахтин принял участие в диспуте под названием «Бог и социализм» в Невеле, где он жил между 1918 и 1920 гг. Это известно благодаря тому, что в местной газете «Молот» сохранилось описание этой встречи. К. Невельская приводит пространную цитату рецензента, который беспристрастно излагает факты:

«После товарища Дейкмана слово взял товарищ Бахтин. В своём выступлении, в котором он защищал религию, этот намордник невежества, он парил где-то в небесах, а может и выше. В его речи не было живых примеров ни из жизни, ни из истории человечества. В некоторых местах своего выступления он продемонстрировал приятие социализма и дал ему высокую оценку, но в остальном он сокрушался и беспокоился о том, что тот же самый социализм совершенно не заботится о мёртвых (о том, что он не отправляет заупокойных

12 Ibid. P. 133.

13 Ibid. P. 140.

14 Бочаров С. Г. Об одном разговоре и вокруг него // Новое литературное обозрение. М., 1993. № 2. С. 70 – 89. Также см.: Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. P. 29 – 30, где говорится о влиянии на Бахтина о. П. Флоренского и Мейер, но ничем не подтверждается.

15 Дувакин В. Д. Разговоры с Бахтиным // Человек. М., 1993. № 5. С. 141; № 6. С. 147–151.

богослужений?), а также о том, что в своё время, как он выразился, народ ему этого не простит. Когда, спрашиваю я, не простит? Через сто лет или больше? Когда народ будет в сто раз просвещение, чем нынешнее поколение! “Этого не произойдёт”, кто-то ответил Бахтину. В общем говоря, слушая его слова, можно подумать, что в эту самую минуту весь сонм лежащих и разлагающихся в своих гробах, воскреснет, поднимется и сметёт с лица земли всех коммунистов, а вместе с ними и социализм, который они проповедают»¹⁶.

Из этой же самой газеты мы узнаём, что в то же время состоялись и другие публичные встречи, посвящённые различным темам: «О смысле жизни», «О смысле любви», «Христианство и критицизм», «Нищезнание и Христианство»¹⁷.

Следующая группа документальных свидетельств даёт некоторое представление о религиозных взглядах Бахтина в период его жизни в Ленинграде, куда он вернулся в 1924 г. и где жил, пока не был отправлен в ссылку в 1929 г. Недавно было опубликовано несколько лекционных заметок, сделанных в 1924–1925 гг. Пумпянским, одним из старейших членов Бахтинского кружка. Это даёт нам бесценные свидетельства о внутренней жизни сообщества на протяжении этого периода¹⁸. Записки содержат доклад Бахтина «Проблема обоснованного покоя», в котором он указывает на то, что является, по его мнению, первичной задачей философии религии. Здесь он анализирует состояние мытаря из евангельской притчи как того, кто в отличие от фарисея находит оправдание не в себе, а в «воплощённом Третьем Лице»¹⁹. «Обоснованный покой», по его мнению, достигается тогда, когда человек отказался от самоуверенности и прошёл через период беспокойства и покаяния, достигнув состояния доверия Богу²⁰. Пумпянский также упоминает реакцию Бахтина на доклады, сделанные М. И. Тюбянским относительно теологии Германа Шелла, которая последовала в конце 1925 г. Ответ Бахтина содержит особенно интересный анализ самооткровения Бога как личности, а также отношений с Богом

16 *Невельская К. М.* М. Бахтин и М. И. Каган: по материалам семейного архива // Память. Исторический сборник. Париж, 1981. № 4. С. 274.

17 *Бочаров С. Г.* Об одном разговоре и вокруг него. С. 84. Также см: *Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin.* P. 42 – 43.

18 *Николаев Н. И.* Лекции и выступления М. М. Бахтина за 1924–1925 гг. в записях Л. В. Пумпянского // Бахтин как философ. М., 1992. С. 221–252.

19 Там же. С. 236.

20 Там же. С. 236.

как отношений двух сознаний: «Личные отношения с личным Богом: это признак религии, но это также и проблема религии, благодаря которой может появляться особый страх перед религией и Откровением, страх перед его личной направленностью»²¹. О том, что основным занятием Бахтинского кружка в 1925–1926 гг. было богословие, свидетельствует и список литературы, составленный Пумпянским в этот период²², и письмо Пумпянского (датированное 1926 г.) к другому члену-основателю кружка, М. И. Кагану, проживающему в то время в Москве:

«Мы скучали по вам... весь этот год, все эти годы, но особенно это год, потому что мы усердно изучаем богословие. Круг наших ближайших друзей остаётся всё тем же: М. Б. Юдина, Мих. Мих. Бахтин, Мих. Изр. Тюбянский и я. Верь мне, мы часто восклицаем: жаль, что М. И. нет здесь, он мог бы помочь разобраться в этой проблеме»²³.

Ночью 24/25 декабря 1928 г. Бахтин был взят под стражу в ходе операции по ликвидации ленинградского религиозного общества «Воскресение». Документация по этому делу, которая на сегодняшний день хранится в архивах КГБ, насчитывает пять томов²⁴. Савкин говорит, что ему и другим учёным был открыт доступ к этому материалу, но они не могли завершить над ним работу по независящим от них причинам²⁵. Однако они смогли собрать и опубликовать стенограммы допросов Бахтина Строминым (от 26 декабря) и Петровым (от 28 декабря). Из них мы узнаем, что Бахтин был обвинён в участии в «контрреволюционной» организации «Воскресение», однако на протяжении всего допроса он не сказал ничего, что подтверждало бы это²⁶. Тем не менее известно, что Бахтин был хорошо знаком с лидером этого общества А. А. Мейером. Литературный агент Бахтина С. Г. Бочаров свидетельствует, что Бахтин познакомился с Мейером ещё во время своего студенчества и тот, по словам самого философа, на протяжении 1920-х был для него одним из самых близких людей²⁷. В интервью с Дувакиным Бахтин утверждает, что знал Мейера и тот производил на него очень сильное впечатление. Однако он не разделял его взглядов и не посещал

21 Там же. С. 246.

22 Там же. С. 251.

23 *Невельская К. М.* М. Бахтин и М. И. Каган: по материалам семейного архива. С. 265–266.

24 *Савкин И. А.* Дело о воскресении // М. М. Бахтин и философская культура XX века (Проблемы бахтинологии). СПб., 1991. Ч. 2. С. 108–109.

25 Там же. С. 108.

26 Там же. С. 109.

27 Там же. С. 109–110. Также см.: *Бочаров С. Г.* Об одном разговоре и вокруг него. С. 82.

его встречи. Скорее это Мейер иногда посещал Бахтина²⁸. На первом допросе Стромин записал со слов Бахтина: «политические убеждения: марксистско-революционные, лоялен к советской власти, верующий»²⁹. Странным образом Ю. П. Медведев приводит иную цитату того же самого допроса: «нет партийной принадлежности. Марксист-ревизионист... верующий»³⁰. Какое из этих свидетельств более точное, сейчас сказать сложно. Однако Бахтин явно подтверждает свою веру в Бога.

В ходе допросов Бахтина просили дать информацию о его преподавательской деятельности в Ленинграде: где проходили лекции, кто их посещал, какова была их тема. В итоге он изложил содержание двух докладов о М. Шелере, в которых рассматривалась трактовка последним таких понятий, как исповедь и воскресение:

«По мнению Шелера, исповедь — это обнажение себя перед другими людьми, огласка (“дискурс”) того, что раньше стремилось к своему сверхсловесному пределу (“грех”) и было изолированным, непреодолимым, чуждым телом во внутренней жизни человека. Второй доклад был о воскресении. Его суть: жизнь преодолевает смерть не ради себя, но ради той ценности, которую может принести в неё только любовь»³¹.

Мейер принимал участие в обсуждении одного из этих докладов³². Бахтин был освобождён 5 января 1929 г., однако вновь допрошен 13 марта. На этот раз он признался во встречах со своими бывшими студентами Петроградского богословского института, который был закрыт в 1923 г.,³³ однако благодаря деятельности одного из преподавателей, Щербова, продолжал функционировать на частных квартирах³⁴. В итоге Бахтин был приговорён к пяти годам тюремного лагеря на Соловках³⁵. Благодаря огромным усилиям со стороны друзей, приговор был смягчён и заменён внутренней ссылкой в Кустанай, Казахстан.

У нас нет документальных свидетельств о тридцатилетнем периоде жизни Бахтина после его депортации. Это касается и его религиозной жизни, чьё общественное измерение естественным образом

28 Дувакин В. Д. Разговоры с Бахтиным // Человек. М., 1993. № 6. С. 151.

29 Савкин И. А. Дело о воскресении. С. 110.

30 Медведев Ю. П. «Нас было много на челне...» // Диалог, карнавал, хронотоп. М., 1992. С. 97.

31 Савкин И. А. Дело о воскресении. С. 111.

32 Там же. С. 111.

33 Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. P. 138.

34 Савкин И. А. Дело о воскресении. С. 113; Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. P. 138.

35 Савкин И. А. Дело о воскресении. С. 114.

исчезло в результате того, что он пересмотрел свои убеждения, а также по причине давления воинствующего идеологического атеизма. Однако в начале 1960-х три аспиранта Института мировой литературы в Москве (С. Г. Бочаров, В. В. Кожин и Г. Д. Гачев) узнали, что Бахтин ещё жив, и начали посещать его в ссылке. В конце концов, посредством публикации его работ они его реабилитировали и перевезли вместе с супругой в Москву. Первый визит состоялся в 1961 г.³⁶ Оба, и Кожин и Бочаров, вспоминают, что на самой первой их встрече Бахтин всеми способами старался доказать им, что он не марксист³⁷. Вскоре философа стали посещать и другие учёные. Двое из них, В. Н. Турбин и Л. С. Мелихова, активно оказывали Бахтину разнообразную материальную поддержку. В результате таких рабочих отношений с Бахтиным, которые продолжались до его смерти в 1975 г., у нас есть единичные, но всё же в высшей степени достоверные свидетельства о том, что даже на протяжении долгого периода забвения он не отказался от своей веры, а продолжал размышлять на религиозные темы. Так, например, Кожин в интервью о Бахтине, которое он дал редактору нового журнала, рассказывает следующее:

«То, что Бахтин часто называл “философией диалога”, находится в основе всех его литературно-критических работ: вся жизнь — это диалог, диалог между человеком и человеком, человеком и природой, человеком и Богом... Даже просто само существование человека, если хотите, также является “диалогом”, обменом веществ между человеком и окружающей его действительностью. И в этом отношении Бахтин несколько раз повторял фразу о том, что, как бы ни утверждал объективный идеализм, что Царство Божие есть вне нас, а, например, Толстой ни настаивал на том, что оно “внутри нас”, я думаю, что Царство Божие между нами, между мною и тобой, между мною и Богом, между мною и природой: вот где есть Царство Божие»³⁸.

Бог связан не только с диалогической концепцией Бахтина. Его другая не менее известная концептуальная категория — карнавал, также в сознании философа ассоциируется с религией. Согласно свидетельству Турбина, однажды в его присутствии Бахтин высказался, что «Евангелие — тоже карнавал»³⁹. В свою очередь, Мелихова любит показывать

36 *Бочаров С. Г.* Об одном разговоре и вокруг него. С. 76.

37 Там же. С. 76–77; *Кожин В. В.* Как пишут труды, или происхождение несозданного авантюрного романа. С. 113.

38 *Кожин В. В.* Как пишут труды. С. 114–115.

39 *Турбин В. Н.* Карнавал: религия, политика, теософия // Бахтинский сборник. М., 1990. С. 25.

посетителям икону прп. Серафима Саровского, которую Бахтины хранили в своей квартире в 1920-х и которая тайно сопровождала их в ссылке. Она рассказывает, что Бахтин считал святого своим небесным покровителем⁴⁰.

Последняя публикация Бочарова «Об одном разговоре и вокруг него» (1993) проливает свет на отношение Бахтина к тому факту, что он избегал рассуждать на религиозные темы в своих работах. Из его слов следует, что страх репрессий влиял на него уже в 1920-е. Бочаров передаёт беседу, которая состоялась 9 июня 1920 года и из которой я полностью привожу важный отрывок (две книги, о которых идёт речь, — «Марксизм и философия языка» Волошинова, а также первая монография Бахтина «Проблемы творчества Достоевского»):

«Бахтин: всё, что было создано в течение этого полувека на этой безблагодатной почве, под этим несвободным небом, всё это в той или иной степени порочно.

Бочаров: Михаил Михайлович, оставим на мгновение книгу Волошинова, это сложный вопрос, но что порочного в вашей книге о Достоевском?

Бахтин: Ох, оставьте! Разве можно так писать!? Я отделил форму от самого важного, знаешь ли. Я не мог говорить прямо о главных вопросах.

Бочаров: О каких вопросах, М. М.?

Бахтин: О философских вопросах, которыми Достоевский мучился всю свою жизнь — о существовании Бога. Я должен был всё время кривить душой, то туда, то сюда. Мне приходилось жёстко осаживать себя. Как только возникала мысль, было необходимо её останавливать. То туда, то сюда (на протяжении всей беседы Бахтин несколько раз повторил это). Я даже приспособился к тому, что я говорил о Церкви»⁴¹.

Чуть позже в разговоре Бахтин косвенно обвинил себя в предательстве. Подразумевая литературно-критические работы Бочарова и его коллег, он сказал: «По крайней мере, вы не предаёте. Если вы не доказываете что-то, то это потому, что вы не уверены. А я кривил душой то туда, то сюда»⁴². Что, по мысли Бахтина, он предал? Последние воспоминания Гачева дают ответ: во время консультации с Бахтиным по поводу своей книги об истории совести, которую он собирался писать, философ спросил его: «И что вы предполагаете сделать той точкой, на которую опирается совесть? Для меня эта точка опоры — Бог»⁴³.

Продолжение следует.

40 Бочаров С. Г. Об одном разговоре и вокруг него. С. 87; Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. P. 133.

41 Бочаров С. Г. Об одном разговоре и вокруг него. С. 71–72.

42 Там же. С. 73.

43 Гачев Г. «Так, собственно, завязалась уже целая история». С. 107.